

Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 3. С. 33–40. ISSN 2073-1426

Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2021. vol. 27, № 3. pp. 33–40. ISSN 2073-1426

Научная статья

УДК 784

<https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-3-33-40>

РЭП КАК ИНДИКАТОР ПРОТЕСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОКОЛЕНИЯ Z

Тесленко Александр Николаевич, доктор педагогических наук, доктор социологических наук, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова, Центр ювенологических исследований, г. Нур-Султан, Казахстан, teslan@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1398-1832>

Аннотация. В статье анализируются контексты протестного потенциала молодежи в популярном среди современной молодежи музыкальном направлении – рэп. Попытки навязывания политической идентичности «сверху» не отвечают потребностям самой молодежи, которая стремится к самореализации в культурной сфере. Поэтому статья исследует социально-психологический феномен такой молодежной публичной практики, как рэп-культура, превратившийся сегодня в бренд массовой поп-культуры. На базе социологических данных автор анализирует социальное настроение и актуальные проблемы казахстанской молодежи, конструируя ее протестный потенциал. Выявлен довольно высокий процент молодых респондентов, обеспокоенных нарушениями своих законных социальных, гражданских и политических прав. Отмечается, что поколение Z предпочитает неполитические формы протеста средствами культурного самовыражения. В массовом сознании утвердилась установка о рэпе как «музыке протеста». Историко-культурная ретроспектива возникновения и развития рэпа позволила автору опровергнуть устоявшийся стереотип и обосновать позицию о рэпе как музыке успеха и активной жизненной позиции. Актуальность и научная новизна постановки проблемы позволили показать важность изучения в современном научном пространстве протестного поведения молодежи, выделить ее индикаторы и сделать вывод о необходимости психологического исследования протестных тенденций молодежи и педагогического сопровождения процесса социализации.

Ключевые слова: молодежь, поколение Z, хип-хоп культура, контркультура, рэп-музыка, политическая социализация, социальное настроение, молодежный протест, протестное поведение, протестный потенциал, гангста-рэп, андеграунд, мейнстрим.

Для цитирования: Тесленко А.Н. Рэп как индикатор протестного настроения поколения Z // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 3. С. 33–40. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-3-33-40>

Research Article

RAP AS INDICATOR OF PROTEST POTENTIAL OF Z GENERATION

Alexandr N. Teslenko, Doctor of Pedagogic Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Myrzakhetov Kokchetav University, Kazakhstan, teslan@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1398-1832>.

Abstract. Contexts of youth protest potential in rap as a musical direction popular among modern youth are analysed in the article. Attempts of imposing of political identity «from above» does not meet requirements of the youth which seeks for self-realisation in the cultural sphere. Therefore, the article examines the socio-psychological phenomenon of such a youth public practice as rap culture, which has now become a brand of mass pop culture. On the basis of sociological data the author analyses social mood and topical problems of the Kazakhstani youth, designing its protest potential. Quite high percent of the young respondents concerned by violations of the legitimate social, civil and political rights is revealed. It is noted that the Z generation prefers non-political forms in a counterbalance a protest to means of cultural self-expression. In mass consciousness installation about rap as to «protest music» was approved. The historical and cultural retrospective of emergence and development of rap allowed the author to disprove the settled stereotype and to prove a position about rap as to music of success and active living position. Topicality and scientific novelty of the problem statement made it possible to show the importance of studying the protest behaviour of young people in the modern scientific space, highlighting its indicators and drawing a conclusion about the need for a psychological study of youth protest tendencies and pedagogic support of the socialisation process.

Key words: youth, Z generation, hip-hop culture, counterculture, rap music, political socialisation, social mood, youth protest, protest behaviour, protest potential, gangsta rap, underground, mainstream.

For citation: Teslenko A.N. Rap as indicator of protest potential of Z generation // Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2021. vol. 27, № 3. pp. 33–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-3-33-40>

Введение. Скандальные события последних лет вокруг российских рэп-исполнителей активизировали дискуссию о деструктивном контенте молодежной музыки и его влиянии на современных подростков не только в России, но и в Казахстане. Научные организации занялись серьезным социологическим анализом проблемы протестных настроений учащейся и студенческой молодежи [Протестный потенциал: 322]. На волне этого интереса к проблеме мы постараемся разобраться в психологии устойчивых «моральных паник» вокруг рэп-музыки как музыки протеста, как идеологической основы протестного потенциала поколения молодых казахстанцев, родившихся в начале этого тысячелетия.

Основной теоретической предпосылкой анализа протестных настроений молодого поколения является социализация как комплексный показатель, который в условиях постмодернистского общества формирует такое базовое свойство молодежи, как *субъектность*, демонстрирующее перманентный переход от преимущественного свойства быть *объектом* общественно-воздействия к преимущественному свойству быть *субъектом* социально-преобразующей деятельности. Другими словами, молодежь правомерно рассматривается и как объект воспитания, и как субъект социального действия. Такое положение определяет не только склонность, но и готовность к социально-политическим изменениям, что, в свою очередь, создает у властных структур иллюзию подавления или мобилизации молодежи в разнообразные социально-политические конфигурации, общественные организации, объединения, движения и т. д.

Постановка проблемы. XX век создал немало иллюзорных представлений о молодежи, как идеалистических [Pilkington: 376], так и пессимистических [Brake: 238]. Однако практика показывает, что реальное положение в молодежной среде невозможно рассматривать без строго научного подхода к проблемам молодого поколения, глубокого изучения его ценностей, социальных установок на жизнь, актуальных поведенческих стратегий и моделей в конкретных культурно-исторических условиях.

Авторы популярной в кругу социологов *теории поколений* – американский экономист Нейл Хоув и историк Уильям Штраус – считают, что конфликт поколений *связан не с возрастными противоречиями, а с определенными культурно-историческими условиями социализации*, когда большинство людей все же такие ценности имеют [Howe & Strauss: 432].

В Казахстане за последние 20–25 лет независимо сформировалось новое, уникальное поколение – «поколение kz». С одной стороны, это поколение тех, кто рос в условиях нестабильного транзитного общества и на чью долю выпал тяжелый период формирова-

ния новой политической и социально-экономической системы (в интерпретации Хоува – Штрауса – *поколение Y*, 1985–1999 г. р.). С другой стороны, с постепенным улучшением социально-экономических условий и развитием рыночных отношений сформировалось поколение, которое более оптимистично и уверенно смотрит в будущее, но в тоже время испытывающее мировоззренческий индифферентизм. В данном случае речь идет о *поколении Z* (родившиеся после 2000 г.), которые индифферентны к актуальным событиям общественной жизни и поглощены эгоцентричной атмосферой социальных сетей и культом самолюбования и беззаботности. С позиции общественных интересов «такие массовые настроения свидетельствуют, во-первых, о накоплении деструктивного политического потенциала молодежи, который со временем может стать дестабилизирующим социальным фактором, а во-вторых, о том, что в процессе образования молодые люди не приобретают, а теряют чувство гражданственности» [Омельченко: 154].

В этой связи большой интерес представляет исследование, проведенное по заказу крупнейшего российского банка «Сбербанк», посвященное поколению Z [30 фактов]. Исследователи выяснили, что для этого поколения характерен не открытый бунт, а скорее тихое сопротивление. Так, по данным казахстанского НИЦ «Молодежь», количество потенциально готовых выйти на уличные протесты (в сравнении с теми, кто не выйдет на них ни при каких условиях) значительно выше [Протестный потенциал молодежи: 322].

Современные юноши и девушки не стремятся к резким переменам, а ценят комфорт и спокойствие. В тоже время они глубоко лично воспринимают социальную несправедливость, поэтому потенциально, усваивая в процессе политической социализации уже имеющиеся и новые социальные нормы, политические ценности, модели поведения и паттерны культуры, существуют риски всплесков молодежного протеста [Кожелупенко: 89].

Это песня моего поколения
Мой поколение не поставишь на колени
Именно поэтому наш рэп это лирика улиц
И если пули, нет в этом мире питбулей
Моё поколение то еще ...

(Сергеа. «Моё поколение»)

Социальная философия трактует социальный протест, с одной стороны, как реакцию на условия жизни индивида, зависящую от степени его внутренней свободы, с другой – как реакцию внутренней свободы на условия внешней несвободы. Отсюда, в качестве триггера протестных действий могут выступать любые факторы и средства (физические, психические, интеллектуальные и т. п.). Все зависит от соответствия социальной среды потребностям и внутренней свободе индивида. Если такое соответствие присут-

ствует, то условий для протеста нет, в противном случае – индивид входит в конфликт, сопротивляется.

Результаты исследования и их обсуждение. На постсоветском пространстве современный Казахстан зарекомендовал себя как лидер модернизации всех сторон общественной жизни. Однако, несмотря на достаточно высокие показатели социально-экономического развития и тенденции дальнейшего роста экономики, социально-политическая ситуация в стране вызывает тревогу. Причина этой тревожности – разительное расслоение общества по уровню дохода и, как следствие, поляризация социального настроения населения. Социальное настроение – это эмоционально-психологическое состояние людей, их поведение, которые зависят от степени разрешенности социальных проблем, противоречий, удовлетворения социальных интересов, преломляющихся через психику, сознание, и определяющих социальное поведение индивидов [Тощенко: 54]. Другими словами, социальное настроение – это результат освоения со-

циальной практики в реальной деятельности индивида, который выражается в его эмоциональном состоянии, умонастроениях, ценностных ориентациях и социальных установках. Как показывают многочисленные социологические исследования, социальное настроение молодых казахстанцев в целом имеет положительные тенденции, что вполне закономерно на фоне экономического роста и стабильной социально-политической обстановки в стране (табл. 1).

Анализ социального самочувствия молодежи в условиях современной общественно-политической и социально-экономической обстановки в стране позволяет выявить не только позитивные тенденции, но и злободневные проблемы молодых казахстанцев, отличающиеся между собой как большим разнообразием, так и содержательностью. Доминирует в рейтинге проблемный ряд социально-политического характера: миграционные проблемы, нарушение прав и свобод личности, рост молодежной девиации и преступности, молодежные субкультуры и т. п. (табл. 2).

Таблица 1

Оценка политической ситуации в стране (в половозрастном разрезе, в %)

Градации	14–18 лет		19–25 лет		26–29 лет	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Благополучная	25,8	23,1	21,5	20,1	20,7	19,9
Спокойная	43,5	49,2	56,2	50,8	59,2	55,5
Напряженная	11,3	7,7	9,4	11,0	7,8	10,4
Кризисная	4,8	6,2	1,0	1,3	1,8	1,2
Затрудняюсь ответить	11,3	13,8	10,9	15,7	9,0	11,4

Таблица 2

Актуальные проблемы современного Казахстана в оценках молодежи (в целом и по национальным признакам, в %)

Градации	В целом	Национальность		
		казахи	русские	другие
Коррупция, злоупотребление в органах власти	44,3	43,0	45,7	45,5
Миграционные процессы (отток населения, беженцы)	10,6	9,1	14,2	9,4
Несоблюдение прав и свобод	19,1	20,5	17,3	18,5
Нарушение прав по национальному признаку	7,8	6,1	10,3	9,4
Падение уровня культуры людей	22,8	22,0	24,7	21,2
Деятельность иностранных компаний	8,5	10,7	6,5	4,8
Распространение наркотиков и наркобизнеса	31,6	32,9	29,5	31,2
Рост преступности в молодежной среде	29,8	29,8	29,6	30,9
Безразличие властных структур к запросам молодежи	11,6	11,4	11,5	12,7
Загрязнение окружающей среды	23,6	24,4	22,4	24,5
Рост влияния на Казахстан со стороны иностранных государств	6,9	7,5	6,7	5,2
Угроза военных конфликтов с территории сопредельных государств	6,1	5,6	7,4	5,8
Угроза религиозного экстремизма и международного терроризма	9,1	9,4	7,2	12,1
Языковая проблема	15,9	13,4	19,7	17,0
Расслоение населения на богатых и бедных	17,9	18,3	18,0	16,7
Затрудняюсь ответить	4,5	4,9	3,7	3,9

Анализ результатов нашего социологического исследования показал, что практически все наиболее актуальные проблемы, непосредственно влияющие на социальное настроение молодежи, вытекают именно из социально-политической и морально-психологической ситуации в стране. Так, для 43,6 % молодежи наиболее актуальной проблемой казахстанского общества является коррупция, взяточничество и злоупотребление в органах власти. Учитывая, что показатели по этой переменной примерно одинаковы во всех возрастных группах, можно сделать вывод о том, что эта социальная болезнь проникла во все сферы жизнедеятельности общества. Каждый молодой казахстанец сталкивается с ней, начиная со школы, причем зачастую не противодействуя ее проявлению, приспособившись, он начинает воспринимать это как норму общественной жизни – именно так можно интерпретировать 45,9 % опрошенных, не ответивших на этот вопрос.

Социологические исследования последних лет показывают, что молодежный протест напрямую связан с уровнем соблюдения гражданских прав и свобод в стране [Тесленко: 304; Молодежь Центральной Азии: 386]. Правда, оценочные суждения молодых казахстанцев относительно характера соблюдения их законных прав и свобод несколько расходятся. Так около половины респондентов заявили, что их права не гарантированы (13,9 %) или скорее не гарантированы (32,3 %). Исследование показывает, что ущемление прав и свобод личности является основным мотивом политического протеста. При этом протестный репертуар гражданина зависит от его правового сознания, правовой культуры, образования (табл. 3).

Социально-психологическим фундаментом протестных настроений выступает феномен *депривации* как «субъективное чувство недовольства по отношению к своему настоящему, несоответствие между ценностными ожиданиями и реальными возмож-

ностями» [Тесленко: 135]. Социология показывает, что наличие «молодежного бугра» (необычно высокой пропорции молодых людей в возрасте 15–25 лет в социально-демографической структуре общества) на протяжении всей истории человечества выступало неизменным спутником политических кризисов и революций, в основе которых объективные и субъективные факторы (бытовые трудности, статусные позиции, психологические проблемы и т. п.), а также социально-технологические конструкты манипуляции и зомбирования (что наглядно показывают события на Украине).

В социально-политических науках для анализа протестности молодежи широко используется термин «протестное поведение» как форма политического участия, представляющая собой публичное выражение индивидом или группой людей своей неудовлетворенности чем-либо, чаще всего «существующей социально-политической системой или отдельными результатами ее функционирования через разнообразные формы протестной активности» [Омельченко: 145]. Однако приведенное определение несколько некорректно в отношении молодого поколения, которое характеризуется низкой вовлеченностью в политические конфигурации, в деятельность формальных социально-политических институтов. Более уместно в данном контексте использовать другой термин – «протестный потенциал», который «в пространстве политического характеризуется возможностью изменения политического бытия различных акторов политики, угрозой дестабилизации политических конфигураций, а также других социетальных трансформаций» [Михайличенко: 47]. Другими словами, протестный потенциал – это совокупность факторов, структурирующихся вокруг выражения различных форм недовольства субъектов социального действия в различных сферах общества, в том числе и неполитические формы протеста.

Таблица 3

Протестный потенциал молодежи (в разрезе образования, %)

№	Форма протеста	Всего	В том числе по уровню образования				
			неполное среднее	общее среднее	среднее специал.	неоконч. высшее	высшее
1	Митинги	11,0	20,9	11,2	9,8	11,1	10,3
2	Пикетирование	3,0	4,7	5,0	1,9	4,0	2,5
3	Письмо в международные организации	10,2	8,1	6,7	8,4	13,7	10,3
4	Письмо в местные органы власти	21,4	18,6	21,3	22,1	21,2	21,5
5	Письма в центральные органы управления	12,9	15,1	12,5	13,6	10,6	14,0
6	Жалобы	8,5	3,5	9,2	7,9	10,1	9,0
7	Публикации в СМИ	10,5	12,8	9,6	12,5	11,6	9,1
8	Активное сопротивление	1,8	1,2	2,1	2,2	1,4	1,8
9	Другое	2,1	1,2	1,3	1,9	0,9	3,4
10	Затрудняюсь ответить	17,0	12,8	20,0	18,5	13,9	17,0

Государство навязывает молодежи политические идентичности, в то время как молодежь ищет пространства для культурного самовыражения. Российский социолог Е. Омельченко справедливо отмечает, что «самые важные изменения происходят не в политической, а культурной борьбе – в области перераспределения права на культурное доминирование, содержание (мотивация, направленность) современных молодежных «протестов» связаны не с политической, а культурной властью» [Омельченко: 153]. Эта культурная борьба приобретает множество форм, но она всегда неотвратима, в тоже время динамична, никогда не ведется теми же самыми формами, за те же ценности и смыслы. Так, в 1960–70-х годах с «музыкой протеста» ассоциировался рок, а сегодня – рэп-музыка.

Зародившись в «цветных» кварталах американских городов на ниве хип-хоп движения, рэп (буквально – «ритмическая поэзия») выработал специфический язык протеста, выделяющий его от других молодежных субкультур и демонстрирующий свою контркультурную природу:

- пропаганда свободы личности и автономности молодежи, независимости от политического мэйнстрима;

- агрессивность и жесткость выражений в выступлении и полемике;

- высокая степень эмоциональности высказываний наряду с их противоречивостью;

- неопределенность, противоречивость, алогичность — характерные особенности и лозунгов, и полемики, и повседневной речи;

- всеобщность и безадресность воззваний, что еще более усиливает колебания настроений толпы в зависимости от «вбрасываемой» информации;

- контрасты ценностей и «антиценностей» в текстах полемики, лозунгах и повседневной речи, зачастую сопряженные с абсурдными вариантами их интерпретации;

- призывы к борьбе с врагами (с учетом размытости понятия «врага» энергию масс можно обратить против любого оппонента) [Кожелупенко: 85].

На постсоветском пространстве рэп возник в конце 1980-х годов вместе с брейк-дансом и граффити, сначала как эксперимент (Александр Астров, группа «Час пик»), а затем появились и полноценные рэп-исполнители (Богдан Титомир, группа «Мальчишник»). С момента зарождения русский рэп реализовался как коммерческий проект, а идеология хип-хопа воплощалась лишь на сцене, а не в реальной жизни. Но такая музыка не может существовать без борьбы и противостояния, поэтому постепенно исполнители находили новые идеи конфликтных ситуаций. Возможно, поэтому часть современных рэперов обратились за «протестной подпиткой» к русскому уроку («Каста», «Многогочие», Баста и др.).

За последнее десятилетие в русском сегменте Интернета сформировался и динамично развивается рэповый андерграунд (Охххуmiron, Noize MC, 25/17 и Луперкаль), чьи социально осознанные песни стали отдушиной для социального протеста, поднимая такие горячие темы, как наркотики, жестокость милиции и социальная справедливость. Российские музыкальные критики справедливо указывают, что русский рэп превзошел все остальные музыкальные жанры по откровенности и готовности затрагивать неудобные для власти темы. «В том, что касается содержания песен, наши рэперы гораздо более социально активны и внятны, чем наши рокеры, не говоря уже о поп-звездах», – сказал в интервью журналу *The World Street Journal* видный музыкальный критик и автор нескольких книг о русском роке Артемий Троицкий [Троицкий: 288].

Более того, для рэп-музыки Интернет стал более мощным медиаресурсом, чем телевидение или радио. А учитывая, что поколение Z «родилось с кнопкой на пальце», то любой подросток в современном мире технологий и социальных сетей имеет возможность творческой самореализации. Подобная доступность и простота в создании рэп-композиций позволяет им конкурировать с профессиональными музыкантами, затрагивая самые актуальные и острые темы. Музыкальные критики отмечают, что по смыслу текстов и обсуждению протестных идей в песнях русский рэп стал похож на панк-рок, критиковавший в свое время власть имущих [Габа: 146].

Видный андеграундный рэпер Максим Тесли в разговоре с *Medialeaks* признал, что российские слушатели ценят рэп за текстовую составляющую. Но, по его мнению, рэп, о котором говорят массы, вряд ли можно назвать протестным – настоящие идеи находятся гораздо глубже в андеграунде. «Я не думаю, что сегодняшний рэп – музыка протеста. Скорее, музыка успеха и активной жизненной позиции. А социальный рэп, он всё равно в подzemке – там же думать надо, иметь определённый культурный багаж» [Medialeaks].

У меня свои морали и свой устав.

Скажи мне, если я не прав, каков твой взгляд,

Если он есть, то я буду только рад,

Я не пишу в хит-парад и радиочарт,

Но эти песни звучат, ты знаешь сам

(ST. «Моё поколение»)

Большинство молодых казахстанцев либо аполитично, либо же и вовсе настроены лояльно по отношению к власти. В этой связи показательно, что рэп-культура в Казахстане появилась в начале 2000-х годов как часть тусовочного и танцевального мира. За основу были взяты элементы как американского, так и русского рэпа, многие мотивы, идеи и тексты песен напрямую скопированы с произведений западных исполнителей. На их фоне выгодно выделяются

Скриптонит и Jah Khaib, которые вывели казахстанский рэп на площадки российской рэп-индустрии. Именно они сформировали у молодых казахстанцев установку на то, что устоявшийся стереотип «рэпер – это социальный протест» – устарел, важен не протест, а «личностная позиция» музыканта. Рэп – это больше музыка, чем революционный призыв, бунтарство, поэтому больше внимания уделяется вокалу, мелодии, а не речитативу. А это уже больше шоу-бизнес, популярная музыка. Таким образом, рэп постепенно меняется и приспосабливается к новым условиям музыкального мейнстрима, его законам, но в его основе все так же остается дух протеста и бунтарства. Без социальной провокации, физического столкновения неповоротливой культурной махины шоу-бизнеса со сверхпассионарной рэп-культурой невозможен протест, невозможна борьба, идеологически лежащая в его основе.

Протестное поле рэпа все больше перемещается в сферу самодетельного, так называемого «дворового» рэпа, аналог американского гангста-рэпа (*gangsta rap* – «гангстерский рэп»), который исповедует агрессивно-провокационную идеологию городских окраин, ненормативную лексику и «криминальную» романтику. Несмотря на лирическое наполнение репертуара рэп-исполнителей, их музыка остается голосом поколения 2000-х, стремящегося жить по-новому, утверждающего новые ценности и смыслы жизни.

Выводы. Анализ рэп-текстов позволяет выделить *индикаторы протестного потенциала* молодежи:

- недостаточность жизненного опыта и низкий уровень образования;
- низкий социальный статус, зависимое положение от других людей (старшее поколение, родители и др.);
- восприятие протестного поведения и протестных акций в качестве неотъемлемого элемента социальной жизни;
- кризис идентичности, внутриличностный конфликт, ощущение неудовлетворенности собственной жизнью;
- меньшее, в отличие от протестных движений молодежи советской эпохи (диссидентство), стремление к сакрализации протеста и желание придать ему некий «ореол святости»;
- недовольство политикой руководства страны, желание перемен;
- низкий уровень правовой и политической культуры;
- относительно высокая возможность мобилизации для участия в политических конфликтах в силу ряда факторов (возрастные характеристики, отсутствие или слабая степень выраженности у большинства представителей обязательств в плане семьи и карьеры и др.);

– ситуативный интерес к политике, выражающийся в избирательном интересе к конкретным политическим событиям;

– недостаточный статус молодежи в социально-политических отношениях (социальные лифты, включающие в эти отношения, работают недостаточно эффективно) [Михайличенко: 48].

Однако следуют помнить, что рэп-культура не является доминирующим трендом в молодежной среде (по крайней мере в Казахстане), поэтому в плане молодежной работы следует учитывать специфические свойства поколения Z:

- вялое политическое участие как на местных, так и республиканском уровнях;
- лимитированное информирование о событиях в стране и за рубежом лишь на уровне новостной ленты социальных сетей;
- в целом аполитичное поведение и гедонистические установки на жизненный комфорт;
- стремление избежать возможные угрозы репрессий со стороны властных структур (полиция, работодатели, ректорат вузов);
- дефицит материальных ресурсов на период протеста.

Эти и другие характеристики молодого поколения могут быть использованы в разработке стратегии и тактики молодежной работы как на местном, так и на государственном уровне власти по нейтрализации молодежного протеста.

Мое поколение – черти и демоны,
 Раньше мы черным по белому,
 Теперь мы в ногу со временем.
 Для меня небо – предел, какие проблемы,
 Щас всё разрулим, братик, давай, двигай тему.
 Мое поколение – падшие ангелы,
 Глазами светили уставшими в прокуренных тамбурах,
 Нас раскидало ветрами от Бали до Англии,
 Но мы не пали, на нас нет управы
 (Артур Скотт. «Моё поколение»)

Список литературы

- Бушув Д.В. Специфические особенности становления и развития протестной активности российской молодежи. Ростов н/Д.: Росиздат, 2012. 25 с.
- Габа О.И. Молодежь как субъект протестных настроений // Знание, понимание, умение. 2015. № 1. С. 144–151.
- Коробков-Латынцев А. Философские очерки о русском рэпе. СПб.: Renome, 2019. 118 с.
- Кожелупенко Т.П. Рэп как язык конфликта в субкультуре хип-хопа // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. 2008. № 4. С. 83–89.
- Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 79–87.

Луков В.А. Хип-хоп культура // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 147–151.

Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 2. С. 151–162.

Омельченко Д.А. Молодежный взгляд на политические протесты: границы легального и нелегального / Д.А. Омельченко, С.Г. Максимова и др. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 13, ч. 2. С. 145–147.

Михайличенко Д.Г. Индикаторы определения протестного потенциала молодежи в современной России / Д.Г. Михайличенко, А.А. Фазлыев, Д.М. Абдрахманов, Н.Н. Киреева // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Культурология. 2013. № 38 (329). Вып. 31. С. 47–49.

Молодежь Центральной Азии. Казахстан: На основе социологического опроса / под рук. проф. К. Хурельманна (Германия). Алматы: Пред-во Фонда Ф. Эберта в Казахстане, 1916. 660 с.

Протестный потенциал молодежи: исследование. Астана: НИЦ «Молодежь», 2020. 322 с.

Рэп – это новый панк. Почему русский рэп стал таким популярным // Medialeaks. URL: <https://medialeaks.ru/1508sts-txt-rep-eto-novyiy-pank-pochemu-russkiy-rep-stal-takim-populyarnym/> (дата обращения: 10.02.2020).

Тесленко А.Н. Хип-хоп культура как средство социокультурной анимации и молодежной работы // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 1. С. 39–46.

Тесленко А.Н. Политическая социализация студенческой молодежи: монография / А.Н. Тесленко, А.И. Свиначук. Кокшетау-Астана: НИИ СПИ КУАМ: Изд-во «НЦТИ», 2015. 304 с.

Троицкий А.К. Субкультура: История сопротивления российской молодежи, 1815–2018. М.: Белое яблоко, 2020. 288 с.

Тощенко Ж.Т. Социальное настроение / Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко. М.: Academia, 1996. 195 с.

Фролова Е.В. Рэп как форма социально-политической рефлексии в современной российской культуре (2009–2013 гг.). М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2015. 52 с.

30 фактов о современной молодежи: исследование Сбербанка. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation (дата обращения: 10.02.2020).

Brake M. Comparative Youth Culture. The Sociology of Youth Culture and Youth Subculture in America, Britain and Canada. London, Routledge & Kegan Paul, 1985, pp. 238.

Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, Stanford University Press, 1959, pp. 336.

Howe N; Strauss W. Millennials Rising: The Next Great Generation. N. Y. Knopf Doubleday Publishing Group, 2000, pp. 432.

Pilkington H. Russia's Youth and its Culture. A Nation's Constructors and Constructed. London and New York, Routledge, 1994, pp. 376.

Reference

Bushuyev D.V. *Spetsificheskie osobennosti stanovleniya i razvitiya protestnoi aktivnosti rossiyskoj molodezhi* [Specific features of formation and development of protest activity of the Russian youth]. Rostov N/D, Rosizdat Publ., 2012, 25 p. (In Russ.).

Gab O.I. *Molodezh kak subekt protestnykh nastroe-niy* [Youth as subject of protest moods]. *Znaniya, ponimanie, umeniya* [Knowledge, understanding, skill], 2015, № 1, pp. 144–151. (In Russ.).

Korobkov-Latyntsev A. *Filosofskie ocherki o russkom repe* [Philosophical sketches about the Russian rap]. St. Petersburg, Renome Publ., 2019, 118 p. (In Russ.).

Kozhelupenko T.P. *Rep kak jazyk konflikta v rep-kulture* [Rap as conflict language in hip-hop subculture]. *Vestnik RUDN, ser.: Lingvистика* [RUDN Bulletin. Ser.: Linguistics], 2008, № 4, pp. 83–89. (In Russ.).

Lukov V.A. *Osobennosti molodezhnoj kultury v Rossii* [Features of youth subcultures in Russia]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research], 2002, № 10, pp. 79–87 (In Russ.).

Lukov V.A. *Hkip-hkop kultura* [Hip-hop culture]. *Znaniya, ponimanie, umeniya* [Knowledge, understanding, skill], 2005, № 1, pp. 147–151 (In Russ.).

Omelchenko E.L. *Nachalo molodezhnoj ery ili smert molodezhnoj kultury. "Molodost" v publichnom prost-ranstve sovremennosti* [Start of youth era or death of youth culture? "Youth" in public space of the present]. *Zhurnal issledovaniy sothialnoy politiki* [Journal of Social Policy Research], 2006, vol. 4, № 2, pp. 151–162. (In Russ.).

Omelchenko D.A. *Molodezhnyy vzgljad na politiches-kie protesty: granitsy legalnogo i nelegalnogo* [Youth view of political protests: borders legal and illegal]. *Actual problems of fight against crimes and other offenses* [Actual problems of combating crimes and other offenses], 2015, № 13, part 2, pp. 145–147. (In Russ.).

Mykhaylychenko D.G. *Indikatory opredeleniya protestnogo potentsiala molodezhi v sovremennoj Rossii* [Indicators of determination of youth protest potential in modern Russia]. *Vestmik Chelyabinskogo gos.univer-siteta. Ser.: Filosofija. Sociologija. Kulturologija* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Ser.: Philosophy. Sociology. Culturology], 2013, № 38 (329), vol. 31, pp. 47–49. (In Russ.).

Protestnyj potencial molodezhi – issledovanie [Protest potential of youth – research]. Astana, NIC “Molodezh”, 2020, 322 p. (In Russ.).

Rep – eto novyj pank. Pochemu russkij rep stal takim populjarnym [The rap is a new punk. Why the Russian rap became such popular]. *Medialeaks* [Medialeaks]. URL: <https://medialeaks.ru/1508sts-txt-rep-eto-novyiy-pank-pochemu-russkiy-rep-stal-takim-populyarnym/> (access date: 10.02.2020) (In Russ.).

Teslenko A.N. *Hip-hop culture as a means of socio-cultural animation and youth work. Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics* [Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2019, № 1, pp. 39–46. (In Russ.).

Teslenko A.N. *Politicheskaja socializacija studentcheskoj molodezhi: monografija* [Political socialization of student's youth: monograph]. Kokshetau-Astana, NCTI Publ., 2015, 304 p. (In Russ.).

Troitskij A.K. *Subkultura: Istoriaj soprotivlenij rossijskoj molodezhi 1815-2018* [Subculture: History

of the Russian youth resistance 1815-2018]. M., Beloe jabloko Publ., 2020, 288 s. (In Russ.).

Toshchenko Zh.T. *Social'noe nastroyenie* [Social mood]. Moscow, Academia Publ., 1996, 195 p. (In Russ.).

Frolova E.V. *Rep kak forma social'no-politicheskoy refleksii v sovremennoj rossijskoj culture* [Rap as a form of a socio-political reflection in modern Russian culture]. Moscow, Vyshej Shkoly Ekonomiki Publ., 2015, 52 p. (In Russ.).

30 faktov o sovremennoj molodezhi [30 facts about modern youth: research of Sberbank]. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation (access date: 10.02.2020) (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.04.2021; одобрена после рецензирования 15.05.2021; принята к публикации 30.05.2021.

The article was submitted 28.04.2021; approved after reviewing 15.05.2021; accepted for publication 30.05.2021.